

Миссионерская деятельность протоиерея Иосифа Стефанова

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается миссионерская деятельность протоиерея Иосифа Стефанова. Он был штатным миссионером и свою деятельность осуществлял в Глазовском уезде Вятской губернии. Должность штатных миссионеров была введена на территории Волго-Уральского региона при императоре Николае I. Миссионерская деятельность православного духовенства среди нерусских народов Вятско-Камского региона первой половины XIX в. не является предметом подробного изучения. Несмотря на несколько публикаций, посвященных деятельности Иосифа Стефанова, биография и его миссия слабо отражены в историографии. В Вятской губернии в период миссионерской деятельности Иосифа Стефанова действовало две миссии – удмуртская и марийская. Целью статьи является описание миссионерской деятельности протоиерея Иосифа Стефанова в отношении нерусских народов Вятской епархии: удмуртов, татар и бесермян. На основе преимущественно архивных документов предпринята попытка анализа миссионерской деятельности о. Иосифа. В научный оборот вводятся новые документы фондов Св. Синода и Вятской духовной консистории. Новизной исследования является изучение миссионерской работы Иосифа Стефанова среди татар Глазовского уезда. Проведенное исследование подчеркивает значимость этого миссионера в истории православной миссии на территории Вятской епархии. Вместе с тем выявлены противоречия в его деятельности: одновременно с просветительскими формами миссионерской деятельности Иосиф Стефанов использовал административную власть государства. Описаны методы миссионерской деятельности о. Иосифа, определен его вклад в развитие православной миссии в пределах Вятской епархии. В завершение статьи подводятся итоги миссионерской деятельности Иосифа Стефанова.

Ключевые слова: православие, язычество, ислам, миссионерская деятельность, Вятская губерния, Глазовский уезд, удмурты, бесермяне, татары.

По многим вопросам современной церковной жизни, особенно миссионерской деятельности Московского патриархата, духовенство, историки и общественность должны обращаться к опыту православной миссии в Российской империи. Как и в вопросах межнациональных отношений в Вятско-Камском регионе нельзя обойтись без исторического опыта взаимодействия русских с удмуртами, татарами, бесермянами и другими народами бывшей Вятской губернии.

Первые попытки описать миссионерскую деятельность священника Иосифа Стефанова и дать ей оценку были предприняты авторами статей в «Вятских епархиальных ведомостях». Сразу после смерти о. Иосифа появился некролог, написанный неизвестным автором. В нем представлен краткий обзор жизненного пути о. Иосифа, дана его оценка как выдающегося миссионера, снискавшего уважение «вотяков» [10, с. 76–80]. Миссионер Стефан Кашменский стремился не столько дать описание жизненного пути о. Иосифа, сколько составить панегирик в его честь. Он изобразил о. Иосифа как образцового миссионера [23, с. 80–83]. Через несколько лет священник Стефан Кренкин составил небольшой очерк о христианизации язычников Глазовского уезда, в котором дал краткий обзор миссионерской деятельности о. Иосифа [21, с. 542–563].

Большой вклад в изучение миссионерской деятельности среди нерусского населения Вятской губернии внес П. Н. Луппов. Он первым предпринял попытку научного анализа деятельности Иосифа Стефанова, применяя критику источников, оценивая результаты его миссии в контексте общего развития православной миссии в Вятской губернии. В результате исследования П. Н. Луппов приходит к выводу, что миссионер Иосиф Стефанов был «одним из выдающихся священников своего времени» [5, с. 1167]. Исследователь отмечал, что этот миссионер проявил «наиболее широкую и разностороннюю деятельность» [6, с. 263].

В советской историографии миссионеру Иосифу Стефанову не было уделено внимания. Возрождение интереса к истории православной миссии на рубеже XX–XXI вв. привело к тому, что исследователи стали обращаться к личности протоиерея Иосифа Стефанова. В. В. Маку-

рина характеризовала о. Иосифа как «деятельного человека», так как он крестил многих удмуртов, искал и уничтожал предметы языческого культа удмуртов [7, с. 69]. Вклад в изучение биографии о. Иосифа внес В. А. Коршунков. В его статье «“Братья во Христе любезные младенцы”: вятские священники-миссионеры XIX века и удмурты» в научный оборот введены новые источники, представлены различные стороны миссионерской деятельности протоиерея Иосифа Стефанова. Новаторством В. А. Коршункова является изучение письма прот. Иосифа Стефанова, в котором миссионер пытался разузнать о колодцах и озёрах г. Вятки, где удмурты когда-то совершали свои религиозные обряды [2, с. 190]. Исследователь называет миссионера Стефанова «видным человеком в Вятской епархии XIX века» [2, с. 191]. В. А. Коршунков дает отрицательную оценку миссионерам, так как, по его мнению, они «навязывали официозно-церковную духовность» [2, с. 197]. Нельзя обойти вниманием статью удмуртского исследователя Г. Кочина. В современной историографии статья стала первой, которая всецело посвящена личности Иосифа Стефанова [3, с. 42–58]. При всей значимости этой статьи стоит отметить, что автор обратил внимание только на миссию в отношении удмуртов, упуская из виду татар, в отношении которых о. Иосиф также вел миссионерскую деятельность.

Все исследователи отмечают, что миссионер Иосиф Стефанов являлся крупным церковным деятелем Вятской епархии XIX в. Стоит признать, что далеко не все стороны миссионерской деятельности протоиерея Иосифа Стефанова изучены, не все источники введены в научный оборот. Без внимания оставлена его миссионерская деятельность в отношении татар Глазовского уезда. Данное исследование должно отчасти закрыть эти лакуны. В научный оборот вводятся новые источники, в которых отразилась миссионерская деятельность о. Иосифа в отношении удмуртов и татар Глазовского уезда. Представляется, что вопрос о миссионерской деятельности о. Иосифа в отношении старообрядцев является совершенно отдельной темой исследования.

Иосиф Стефанов родился в 1799 г. в семье дьякона Андрея Стефанова, служившего при Сретенской церкви села Березинского Вятского уезда [3, с. 42]. В 1824 г. окончил Вятскую семинарию. В том же году был рукоположен в сан священника и причислен к церкви пророка Илии в с. Верховайское Нолинской округи, а через некоторое время переведен в Казанско-Богородицкую церковь в с. Верхокосинское. В 1827 г. переведен в с. Бельское и определен к церкви Рождества Пресвятой Богородицы [26, л. 85–86]. В 1830 г. священник Стефан был назначен штатным миссионером. Это назначение было связано с учреждением миссии среди удмуртов. Именно о. Стефан стал разработчиком проекта учреждения миссии, с которым епископ Кирилл (Богословский-Платонов) обратился в Св. Синод об его утверждении [8, с. 60]. 6 августа 1832 г. о. Стефан стал протоиереем, а в 1837 г. определен к Преображенскому собору в г. Глазове [10, с. 77]. С этого времени до выхода в отставку о. Иосиф служил в Глазове. Но в историю он вошел не как приходской священник, а как миссионер.

За многие годы миссионерского служения о. Стефан получил различные награды, многие из которых были связаны с его миссионерской деятельностью. В 1828 г. за «ревностное и успешное обращение язычников к Православной Церкви удостоен благодарностью его Преосвященства». В следующем году указом Вятской духовной консистории его успешная миссионерская деятельность внесена в послужной список [26, л. 86–87об.]. В 1832 г. «за успешное действие к обращению вотяков в христианскую веру» ему объявлено «благословение Святейшего Синода». В 1846 г. «за долговременное и благочестное служение Церкви и ревностное прохождение возложенных на него обязанностей» награжден наперсным крестом. В 1848 г. за содействие к устройству глазовских духовных училищ «объявлена особенная признательность». В 1849 г. за «обращение» язычников, мусульман и старообрядцев награжден орденом св. Анны третьей степени. Также за успехи в миссионерской деятельности от Вятской духовной консистории о. Стефану не один раз была объявлена благодарность. Есть даже благодарность за прекращение «общественного вотского мольбища» [25, л. 1–4].

В 1876 г. протоиерей был уволен за штат и оставшиеся дни проводил в основном в Глазове [10, с. 76]. За несколько лет до смерти по примеру некоторых святых сам приготовил себе гроб «к положению себя». При этом он завещал похоронить себя среди удмуртов [23, с. 82]. Скончался протоиерей Иосиф 6 января 1881 г. [10, с. 76].

Миссионерская деятельность о. Иосифа протекала в Глазовском уезде Вятской губернии. Его миссионерское поприще совершалось во время возрождения интереса государства к православной миссии среди народов Волго-Уральского региона. Конфессиональная политика Екатерины II была нацелена на создание лояльного «иноверческого» населения. С этой целью

императрица ослабила влияние православных миссионеров в епархиях Волго-Уральского региона: упразднила Новокрещенскую контору, ввела малоэффективный институт епархиальных проповедников, ограничила влияние епархиальных архиереев в миссионерской деятельности [9, с. 126–134]. В результате к концу XVIII в. православная миссия в данном регионе прекратила свое существование. По инерции действовали приходские священники, однако результаты их деятельности были едва заметны.

В 1827 г. началось широкомасштабное «отпадение» новокрещеных от православной веры. Высшее церковное руководство пришло к выводу, что отказ от активной миссионерской деятельности был ошибкой, привел к отказу крещеных «инородцев» от христианской веры. Император Николай I как раз в это время искал новый вариант государственной идеологии, которая бы отличалась от всехристианских мечтаний Александра I. В унисон с мыслями императора граф С. С. Уваров разработал имперский проект государственной идеологии, вошедшей в историю как «Уваровская триада». Отныне власть в лице министра народного просвещения заявляла, что государство взывает к национальной идее, основанной на «Православии, Самодержавии, Народности». Таким образом, церковное руководство и императорская власть сошлись во мнении о необходимости укрепления православия среди «новокрещеных», мусульман и язычников важного для культурного взаимодействия Запада и Востока Волго-Уральского региона. В Вятской губернии, как и в соседних губерниях, в годы правления императора Николая I стали действовать штатные миссионеры, государство вернулось к поддержке государственного вероисповедания. Миссионерская деятельность о. Иосифа Стефанова протекала в контексте национально-конфессиональной политики Николая I. Этот миссионер был человеком именно этой «николаевской» эпохи, хотя продолжил миссионерскую работу и при Александре II, когда утверждалась новая миссионерская система, в основе которой лежали идеи казанского миссионера Н. И. Ильминского.

О. Иосиф Стефанов занимался как «обращением» некрещеных в христианство, так и утверждением крещеных «инородцев» в христианской вере. Судя по отчетам миссионеров, он был главным миссионером в Глазовском уезде. Именно от его имени вятские епископы получали рапорты о деятельности миссии в Глазовском уезде [17, л. 4, 15; 19, л. 1; 29, л. 6–9].

Поражают масштабы миссионерской деятельности о. Иосифа. П. Н. Луппов отмечал, что Иосиф Стефанов был не только исполнителем поручений, но и проявлял инициативу, искал новые пути к улучшению миссионерского дела [6, с. 263]. На протяжении многих лет о. Иосиф совершал поездки по разным приходам большого Глазовского уезда, сам говорил проповеди, совершал молебны, вел переписку об улучшении миссии, занимался переводами христианских книг и молитв на «инородческие» языки. Уже будучи пожилым человеком, в 67 лет за одну миссионерскую поездку он посетил 54 новокрещенских прихода, в каждом из которых предлагал «пастырские советы» [30, л. 4–4об.]. В рапорте на имя епископа Кирилла (Богословского-Платонова) он составил программу утверждения новокрещеных в христианской вере, а также меры по распространению православия среди язычников. Он определил причины слабостью приверженности новокрещеных к христианству и предложил создать сеть училищ для «инородцев», регулярно вести обучение юношей «Катехизису» и «Священной Истории», контролировать поведение новокрещеных (борьба с ночными «посиденками»), сближать «инородцев» с русскими, бороться с «ворожцами» и «каштанамы» [13, л. 44–46]. Из просмотренной ведомости о церквях Глазовского уезда за 1830 г. видно, что о. Иосиф читал народу Апостольские послания, толковал их народу [26, л. 87об.].

Иосиф Стефанов составлял журналы своих миссионерских поездок, что не встречается у миссионеров Вятской епархии в то время. В одном из журналов есть описание совместной церковной молитвы крещеных удмуртов и старообрядцев: «Видел благодеяние Божие – те и другие приходят в церковь в течение месяца и исповедуются... Тела и Крови Христовой причащались с преданностью Господу Иисусу Христу» [14, л. 44об.–45]. Новокрещеные и обращенные «раскольники» вместе с о. Иосифом в храме славят Бога! Такие сюжеты могут служить материалом для составления жития. Журналы Иосифа Стефанова имели не только «прикладное» значение, но и научное. Это были этнографические сведения, которые можно использовать при изучении быта и культуры удмуртов, татар и бесермян. В свое время составитель этнографических записок об удмуртах Первухин использовал в своей работе данные, полученные им лично от о. Иосифа [6, с. 278].

П. Н. Луппов отмечал, что протоиерей Иосиф Стефанов, в отличие от епископа Кирилла (Богословского-Платонова), предлагал основательно заниматься подготовкой «инородцев» к

принятию святого крещения. Если епископ Кирилл считал достаточным краткое оглашение, то о. Иосиф был убежден, что ко крещению необходимо готовить основательно [6, с. 77]. Чему же учил Иосиф Стефанов во время оглашения? Ответ на это находим в архивном деле Вятской духовной консистории. Оно касалось крещения удмуртов деревень Тимошурской и Паронской. В этом деле содержатся просьбы удмуртов крестить их в православную веру с приложенными тамгами (печатами). Легко заметить, что все просьбы имеют одно и то же содержание. Ясно, что составлялись эти просьбы не удмуртами, а скорее всего, самим о. Иосифом. Тем не менее они указывают на то, что проповедовал о. Иосиф язычникам. Прочитав просьбу: «Поелику при производящихся чрез вас миссионера проповеди слова Божия, познали мы и уразумели, что православно-восточная грекороссийская церковь есть самая истинная и богоугодная и что Един Спаситель заблудших есть Христос Иисус и идоли не есть боги, но едина душепагубная диавольская прелесть». После этого прописывалось имя и ставилась тамга [27, л. 2]. Видно, что содержание учения, предлагаемого о. Иосифом, было не столь обширным. Но это еще не говорит о поверхностном обучении. Во-первых, на тот момент удмурты, как аниимисты, так и крещеные, вряд ли нуждались в разветвленном богословском обучении. Оно необходимо было при беседах со старообрядцами или мусульманами, у которых была разработанная система вероучения. Да, у удмуртов была своя мифологическая картина мира, но говорить о разработанной догматической системе вряд ли приходится. Во-вторых, серьезность подхода о. Иосифа к катехизации доказывается тем, что он не ограничивался одним оглашением, считая, что новокрещеных необходимо обучать постоянно. Это доказывается следующими фактами.

Из рапорта епископа Иоанникия видно, что о. Иосиф Стефанов во время посещения селений Глазовской округи созывал новокрещеных с каждого дома и делал им внушения о необходимости хранения христианской веры, читал «Катехизис» и «Священную Историю» с объяснениями [14, л. 2об.]. При этом он старался не быть навязчивым. Когда видел, что новокрещеные не готовы были слушать его, то ограничивался сбором сведений о нравах и быте «инородцев» [14, л. 44]. Протоиерей Иосиф считал, что одних беседований мало для утверждения в христианской вере, и для большего успеха требуется создание школ. В некрологе говорится, что до миссионерской деятельности протоиерея Иосифа в «инородческих» селениях имелось мало школ, а к концу его жизни школы были почти в каждом селе [10, с. 79]. Иосиф Стефанов часто ходатайствовал перед епархиальным начальством о необходимости учреждать училища. Уже в первый год своей миссионерской деятельности о. Иосиф предложил епископу Кириллу создать духовные училища для удмуртов [14, л. 11]. В 1831 г. епископ Кирилл представил в Св. Синод подробный план Иосифа Стефанова по созданию школы в с. Бельском [13, л. 33–34].

Еще одной просветительской мерой по утверждению новокрещеных в христианской вере стала переводческая деятельность. Некоторые церковные молитвы были переведены на язык удмуртов [23, с. 81]. К концу миссионерской деятельности Иосиф Стефанов был убежденным сторонником переводов церковных молитв на национальный язык «инородцев». В отчете за 1861 г. он убеждает епархиальное начальство, что народный язык понятен «инородцу» и что этот язык необходимо вводить в христианское богослужение, «чтобы чувство благочестия освятить ясным религиозным сознанием», поддерживать среди новокрещеных «молитвенное настроение», наконец, «привлекать в души их благодать Божию, спасающую и младенцев во Христе, когда прежний порядок не сделал их мужами совершенными». Иосиф Стефанов отмечал, что в этом желании «инородцев» нет недоверия к Церкви, что перевод хотя и послужит «некоторым соблазном», но в конечном счете принесет добрые плоды [29, л. 8об.–9]. В этих словах нельзя не увидеть опасения противодействия со стороны противников переводов. Напомним, что даже такой крупный миссионер, как Н. И. Ильминский, в деле переводов христианского богослужения и книг на «инородческие» языки встречал сопротивление со стороны церковных и гражданских властей.

Иосиф Стефанов полагал, что для укрепления новокрещеных в православной вере просветительские меры должны сочетаться с искоренением культовых языческих мест. Во время бесед он добивался, чтобы новокрещеные сами истребляли «мольбища и керемети» [14, л. 3]. В приходе Унинской Богоявленской церкви 11 октября 1830 г. он убедил крещеных удмуртов числом 1439 человек своими руками уничтожить кереметь, а затем принести покаяние с постом [13, л. 43–43об.]. Необходимо отметить, что этот «идол» находился на одной площади с церковью [21, с. 550]. Понятно, что миссионер, только вступивший на свое поприще, не мог стерпеть существование на одной площади христианского храма и языческой молельни. Уни-

чтожения культовых языческих сооружений продолжались и впоследствии. В 1838 г. епископ Нил (Исакович) доносил в Св. Синод, что миссионер Иосиф Стефанов убедил новокрещеных уничтожить два чума, одиннадцать воршудов, «идольский камень Губер», а также капище под именем «Игна-батыря», который, по преданию удмуртов, являлся «вотским богатырем и волшебником» [14, л. 153]. На местах совершения языческих жертвоприношений о. Иосиф перед святыми иконами совершал христианское богослужение [17, л. 4].

Видимо, у о. Иосифа было чутье на языческие «мольбища» и чумы. В 1855 г., объезжая Уканский приход, миссионер обнаружил чумы, которые до того не были известны. Узнав о «молитвенных капищах», о. Иосиф стал искать тех, кто поддерживал удмуртский культ, т. н. «ворожцев». В результате произведенного следствия он обнаружил, что главным «ворожцем» является крещеный татарин Алексей Кутявин, который совершал языческие обряды не только между новокрещеными, но и привлекал к тому русских крестьян. Рапорт о татарине Кутявине о. Стефан донес епископу Елпифидору, а тот направил дело в Вятскую губернскую канцелярию. В результате Глазовскому земскому исправнику было предписано уничтожить обнаруженные чумы, что и было исполнено [32, л. 1–4]. Через шесть лет в отчете за 1861 г. о. Стефан доносил, что в Глазовском уезде «молитвенных капищ, чумов и других предметов языческого богопочитания нигде не замечено» [29, л. 2об.–3]. Деятельность Иосифа Стефанова привела к значительному сокращению культовых мест удмуртов. Священник Стефан Кренкин, описывая Глазовский уезд в конце XIX в., не знал о существовании там «идолов» [21, с. 551].

Иосиф Стефанов боролся не только с остатками прежних удмуртских верований, но и с некоторыми традициями, с христианской точки зрения считавшимися безнравственными. Много хлопот для миссионера представляли т. н. «ночные посиденки» удмуртских юношей с девушками. Эти «посиденки» совершались вдали от родителей в какой-нибудь «отхожей избе». Связи удмуртских юношей с девушками до вступления в брак рассматривались миссионерами и духовной консисторией как «вред доброй нравственности» [24, л. 197–198].

Иосиф Стефанов вел миссионерскую работу не только среди удмуртов. Как миссионер Глазовского уезда, он имел дело с крещеными татарами. Надо сказать, что Глазовский уезд был пятым в губернии по числу проживавших татар. Согласно данным Вятского губернского правления за 1852 г., в Глазовском уезде было 4240 татар обоего пола, тогда как в Малмыжском уезде – 35 619, Елабужском – 19 814, Сарапульском – 5643, Уржумском – 5182. Если в Глазовском уезде было всего три мечети, то в Малмыжском – 65, Елабужском – 36, Уржумском – 13, Сарапульском – 8 [33, л. 14]. Таким образом, хотя Глазовский уезд не был первым по числу татар, но поле для миссионерской работы все же было.

Наблюдая жизнь крещеных татар, о. Иосиф пришел к выводу, что они «только по наружности исполняют христианский долг» [30, л. 5]. Одной из причин внешнего восприятия христианства было то, что крещеные татары жили в браке с мусульманками. В 1839 г. Иосиф Стефанов направил рапорт на имя епископа Неофита (Соснина) о том, что крещеные татары Чуринской волости «имеют купножителство с магометанскими женами своими без благословения Церкви». Из-за этого дети в таких семьях воспитываются в мусульманстве, жены отказываются креститься и крестить своих детей. Рассмотрев это дело, Вятская духовная консистория предложила крещеным татарам вступить в новый брак с женщинами православного исповедания [18, л. 1].

В своей миссионерской деятельности о. Иосиф столкнулся с древним татарским обрядом, который в церковных и гражданских документах именовался «окаяшки», или «акайшки». Узнал он об этом обряде «от почетного жителя... новокрещеного из вотяков Домиана Сунцова». Как выяснилось, суть «окайшек» состояла в следующем. Весной при начале полевых работ крещеные татары совершали «публичное моление и конские ристания». Наблюдатели обратили внимание, что при совершении этого обряда находились татарские муллы [16, л. 1]. Глазовский земский исправник уточнил, что обряд назывался «акайшки», был древним, связан с «чувствованием земли». По сведениям земского исправника, обряд выглядел следующим образом: перед тем как приступить к пашне, домохозяева приходили на заранее избранное место, приносили хлеб, соль, «разную стряпню», пиво и вино. Собравшиеся просили у земли «обильного урожая», затем вкушали принесенную пищу, а приходящим нищим подавали милостыню. После обеда и, видимо, под воздействием выпивки татары садились на лошадей, и тут начиналось следующее: «назнача расстояние, скачут верхом на лошадях, чья чью перегонит». Земский исправник пришел к выводу: «противозаконного и соблазнительного ничего не бывает». При этом никаких мулл им замечено не было. Тем не менее епархиальное руководство предписало о. Иосифу по-

дробнее исследовать этот обряд. Судя по произведенному следствию, Иосиф Стефанов также не нашел ничего в этом обряде предосудительного против христианской веры, однако решил внушить крещеным татарам не участвовать в «окаяшках» [16, л. 4]. Об этом обряде стало известно также в Министерстве внутренних дел. В 1837 г. министр представил императору Николаю I доклад об обряде «акаяшки». Выслушав дело, император предписал вятскому губернатору: «не тревожить народ исследованиями о сих обрядах» [4, с. 37].

Активную работу Иосиф Стефанов развернул среди мулл Глазовского уезда. Он вел с ними устные беседы, распространял между ними христианскую литературу. Тематами беседований были: о «Святой Троице», о «воплощении Слова» и о «смерти Иисуса Христа» [29, л. 6об.–7]. Видно, что Иосиф Стефанов беседовал с мусульманами по наиболее спорным вопросам, возникавшим в богословской полемике христиан с мусульманами. Также о. Иосиф распространял между мусульманами христианскую литературу. Летом 1866 г., объезжая приходы Глазовского уезда, о. Иосиф дал старшему мулле уезда, «по согласию с ним», «Краткий катехизис» и «Священную историю», переведенные на татарский язык. Миссионер отмечал по этому поводу: «Отрадно слышать, что он читает его в кругу татар не только без глумления, с каким прежде обращались они к христианству, но и с уважением» [30, л. 6].

С некоторыми муллами у о. Иосифа установились дружественные отношения. Он охотно принимал их в свой дом. Муллы со своей стороны также приглашали его к себе, угощали чаем, вели беседы на религиозные темы. Так, в д. Кестымской в доме младшего муллы о. Иосиф стал рассуждать о христианском вероучении. Вот выдержки из этой полемики. Мулла сказал, что христианская вера ему нравится, но ему непостижимо следующее: «для чего Господу Богу, Богу всемогущему нужен еще Сын, который при том должен был воплотиться от Духа Святого и от Девы Марии». Иосиф Стефанов в ответ сказал: «Судьбы Божии действительно непостижимы и пути Его действительно неизследимы». Он пытался внушить мулле, что христианство «основано на откровении Божиим» и что «Бог Отец, Сын Божий и Дух Святой не суть отдельные Боги, но лица одного и того же Бога единосущные и нераздельные, различимые только в лицах» [35, л. 7–7об.]. Судя по документам Вятской духовной консистории, муллы так и не перешли в христианство. Но сам по себе расчет на вождей мусульман является, безусловно, верным с учетом их авторитета среди местных татар.

В своей миссионерской деятельности о. Иосифу пришлось иметь дело и с бесермянами. По его мнению, это были «те же вотяки по происхождению, но в древности увлеченные в исламизм» [30, л. 4об.]. Для него бесермяне были такие же мусульмане, что и татары. Это видно из отчета о. Иосифа в Вятский комитет Православного миссионерского общества. Предлагая лучшие способы укрепления христианства среди татар, он тут же упоминает бесермян [35, л. 5]. По наблюдению Иосифа Стефанова, к христианству были склонные только те бесермяне, которые жили рядом с новокрещеными удмуртами [30, л. 4об.].

Обратимся к такому вопросу, как отношение Иосифа Стефанова к льготам, традиционно предоставляемым российским государством новокрещеным. Миссионер Стефанов считал, что эта государственная мера является верным средством привлечения «иноверцев» в христианство, а потому часто обнадеживал язычников, что в случае принятия православной веры они будут освобождены от податей. Кроме того, обещал, что духовенство «будет к ним непритязательно», т. е. не будет брать с них много за требы [5, с. 1167]. В 1839 г. о. Иосиф доносил вятскому архиерею, что по причине взимаемой с новокрещеных руги, а также непредоставления положенной налоговой льготы некрещеные «удерживаются... от принятия христианства». Это письмо было принято к сведению, и в том же году епископ Неофит издал общее распоряжение по епархии, чтобы новокрещенные на первое время были освобождены от обязательной руги духовенству до тех пор, пока «приобьикнут к узаконенному порядку» [14, л. 250]. Вместе с тем в Вятской епархии была проблема с предоставлением льгот новокрещеным. В 1836 г. епископ Нил (Исакович) доносил в Св. Синод, что новокрещеным льготы производятся с «чрезвычайною медлительностью». По словам епископа, такое положение дел влияло на миссию. Принявшие христианство удмурты и марийцы считали себя обманутыми, так как обещанной льготы не предоставляют. В связи с этим новокрещенные терпели от язычников «обидные насмешки» [15, л. 1–1об.].

П. Н. Луппов указывал на то, что у протоиерея Стефанова замечено «слишком ревностное искание содействия полиции» [6, с. 56]. Историк обращает внимание на то, что для этого миссионера внешние условия принятия христианства (льготы) были важнее внутреннего убеждения [5, с. 1168]. С таким утверждением нельзя согласиться полностью. Сам П. Н. Луппов

обращал внимание на обширный план христианизации язычников, а в этом плане были просветительские методы, включая создание школ, организацию переводов молитв и богослужбных текстов. Протоиерей Иосиф много времени уделял собеседованию с удмуртами и татарами. Поэтому вопрос о приоритетности тех или иных методов оставляем открытым, склоняясь при этом к мысли, что средства просвещения для этого миссионера были важнее, чем государственная поддержка. Однако можно согласиться с тем, что государственные льготы и идея вмешательства полиции в миссионерскую деятельность занимали хотя и не преимущественное, но важное место. Действительно, о. Иосиф был не чужд идеи государственного вмешательства в дело христианизации народов Вятской губернии. Было сказано, что с помощью гражданской власти уничтожались культовые места удмуртов.

Как бы ни желал о. Иосиф расширить сферу действия гражданской власти на миссию, он не мог безгранично пользоваться административным ресурсом. Во-первых, существовали определенные этические нормы, не позволявшие употреблять насилие над «иноверцем». П. Верт пишет, что церковь и государство в России требовали, чтобы таинство крещения происходило с соответствующей подготовкой и без принуждения, избегая «фиктивных крещений» [1, с. 19]. Еще в XVIII в. Св. Синод дал разъяснение: «...на основании евангельского учения принятие из разных законов в православную грекороссийскую веру чинить должно по самопроизвольным желанием, а не принужденно» [12, л. 1–2об.]. Во-вторых, сама гражданская власть не стремилась к насилию над «инородцами». Через обер-прокурора и Св. Синод вятское епархиальное начальство регулярно получало указ императора Николая I, в котором предписывалось, чтобы обращение «иноверцев» в христианскую веру происходило без «малейшего насилия», а миссионеры должны действовать «кротко и тихо» [17, л. 54; 18. л. 1]. В Вятской палате государственных имуществ полагали, что в деле принятия православной веры «должна действовать совесть и убеждение», что российское правительство при распространении христианства всегда запрещало употреблять насильственные меры. Дело миссии всецело лежит на духовенстве, а гражданская власть может лишь исполнять законы о предоставлении новокрещеным льгот [11, л. 20об.]. Необходимо также учитывать, что у местной администрации были фискальные интересы (сбор налогов), необходимо было пополнять ряды рекрутов, в том числе за счет «инородческого» населения губернии. Итак, верховная церковная и гражданская власть не стремились к насильственному крещению.

Миссионерская деятельность протоиерея Иосифа Стефанова не могла не найти отклик среди населения Глазовского уезда. Некоторые крещеные удмурты «принимали его с радушием», а когда в 1870 г. происходил съезд миссионеров, «к нему собралась толпа обращенных им вотяков» [10, с. 80]. Протоиерей Стефан Кашменский отмечает, что крещеные удмурты были признательны о. Иосифу, приезжали к нему, с большой радостью вспоминали о нем. Протоиерей Стефан утверждает, что сам был свидетелем такого отношения удмуртов к Иосифу Стефанову [23, с. 81].

За свою жизнь миссионер Иосиф Стефанов крестил 409 язычников, три мусульманина, а также обратил из старообрядчества полностью 137 «раскольников» и 468 на правах единоверия. В некрологе говорится, что во всем Глазовском уезде не осталось ни одного язычника [10, с. 78]. Согласно исследованию о. Стефана Кренкина, основанному на документах Вятской духовной консистории и устных рассказах, удмуртов-язычников в Глазовском уезде не было уже к концу 1850-х гг. Когда же был крещен последний язычник, то во всех церквях уезда были отслужены благодарственные молебны [22, с. 663].

Первые биографы о. Иосифа обратили внимание и на «качество» его миссионерской работы. Протоиерей Стефан Кашменский, описывая «неприглядное» состояние удмуртов Глазовского уезда до вступления о. Иосифа в должность миссионера, отмечал, что к концу его жизни «теперь все они давно просвещены спасительною верою в Христа Бога». Далее он пишет: «Там, где была тьма язычества, теперь светится свет Христовой веры. Там, где находились мольбища невежд истинного Бога, красуются теперь святые храмы» [23, с. 81]. В своих отчетах сам Иосиф Стефанов говорил о том, что новокрещеные развиваются в христианской вере. В отчете за 1861 г. о. Иосиф отмечал: «Духовно-нравственное состояние вотяков и бесермян более и более возвышается и в некоторых приходах становится очень удовлетворительным», что понятия христианской веры все более и более «проясняются», хотя они иногда и приносят «умилостивительные жертвы» [29, л. 2об.–3]. В 1866 г. в рапорте, направленном в Вятскую духовную консисторию, он отмечал, что вера новокрещеных «оказывается в довольно удовлетворительном состоянии» [30, л. 4об.]. В 1870 г. на запрос Вятского комитета

Православного миссионерского общества о необходимости открытия новых школ для обучения язычников грамоте о. Иосиф отвечал, что в его миссионерском округе уже нет язычников и нет необходимости открывать училище [34, л. 9]. Иосиф Стефанов видел, что в созданных школах «питомцы, время от времени, делаются преданными духовенству и Церкви Божией» [29, л. 7об.].

Это еще не значит, что крещеные «инородцы» стали полностью жить по церковным канонам. В действительности в их религиозной жизни сохранялись прежние верования. Уже один из первых биографов Иосифа Стефанова о. Стефан Кренкин отмечал, что к концу XIX в. в Глазовском уезде «хотя все вотяки в Глазове уже крещены, но доселе почти все, за малым исключением, придерживаются языческих заблуждений» [21, с. 543]. Епархиальный миссионер Косьма Андреев, упрекая о. Стефана Кренкина за то, что насильно отнимает у удмуртов «воршуды», говорит, что при таком подходе новокрещеные не отстанут от язычества [28, л. 15–14об.]. Отчет миссионера Аркадия Емельянова о состоянии Вятской епархии за 1903 г. показывает, что бывшие язычники при соблюдении церковных обрядов упорно сохраняют прежнюю веру: «Нужно всегда помнить, что под видимым благоговением язычника-инородца к святому кресту, иконам и тем или иным священным действиям скрывается чисто языческий шаманский взгляд на них как своего рода талисманы или заклинательные средства». Также миссионер Емельянов говорил, что при всяком неурожае новокрещеные охотно отправляют культ по языческим обрядам [31, л. 4об.]. Не стоит думать, что Иосиф Стефанов был настолько близорук, чтобы не видеть у новокрещеных отклонения от канонической веры. В одном из отчетов он пишет: «они (новокрещеные. – *Авт.*), по закону постепенного развития, потаенно придерживаются еще и наследственных суеверных и противонравственных обычаев» [30, л. 4об.]. Эти слова были сказаны после положительной характеристики новокрещеных удмуртов. Получается, что Иосиф Стефанов понимал: крещеные удмурты еще не тверды в духе церковности, но, говоря языком христианских писателей, снисходил к их отступлениям, пытался увидеть в новокрещеных рост христианского самосознания.

В XIX в. приходской священник стал занимать более заметное место как в общецерковной жизни, так и в миссионерской деятельности. До XIX в. на территории Вятской епархии главную роль в миссионерской деятельности играли преимущественно архиереи [9, с. 180–181]. Исключением был миссионер Федор Ившин. В XIX в. роль приходского духовенства в развитии православной миссии заметно усилилась. Крупной личностью в истории вятской миссии был протоиерей Стефан Кашменский. В Комитете Вятского отделения Православного миссионерского общества представители белого духовенства занимали ведущие позиции. Всё это было отражением общего хода церковной истории, когда белое духовенство стало занимать значительное место в общественной и политической жизни.

Миссионер Иосиф Стефанов не делал больших различий между бесермянами и удмуртами. Также он, как это можно судить по документам, не выстраивал особой миссионерской стратегии для мусульман, язычников и новокрещеных. Его миссия носила универсальный характер. Впрочем, он занимался переводами, что указывает на начатки специализации миссионерской деятельности.

Стоит отметить, что Иосиф Стефанов в борьбе с языческими пережитками был не прочь привлекать полицию, что не соответствовало императорским указам, предписывавшим не угнетать совесть «инородцев». Также противоречивыми представляются подписки, которые о. Иосиф брал с новокрещеных. П. Н. Луппов обращал внимание, что эти обязательства не имели никакой силы [6, с. 266]. В целом внешние факторы: налоговые льготы, вмешательство полиции – занимали в миссионерской практике о. Иосифа значительное место. Однако этим он не ограничивался. Он был одним из первых миссионеров Вятской епархии, кто предлагал перевод христианского богослужения на «инородческие» языки. Это была его личная инициатива, опыта казанского миссионера Н. И. Ильминского он не использовал. Иосиф Стефанов организовывал школьное дело среди новокрещеных, вел с ними беседы, учил молитвам, распространял христианскую литературу. Таким образом, Иосиф Стефанов использовал весь багаж миссионерских приемов, выработанных в Российской империи.

Миссионерская деятельность Иосифа Стефанова в целом способствовала укреплению христианства среди народов Глазовского уезда. Прежде всего это касается удмуртов. Не добившись существенных успехов среди татар-мусульман, о. Иосиф смог ослабить влияние язычества у удмуртов. Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что главным результатом деятельности Иосифа Стефанова было восстановление масштабной миссионерской деятельности среди «инородцев», прерванной в конце XVIII в.

Список литературы

1. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие : очерк по истории религиозного разнообразия Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 278 с.
2. *Коршунков В. А.* «Братья во Христе любезные»: вятские священники-миссионеры XIX века и удмурты // Обретение святых – 2013 : сб. материалов V межрегион. церковно-науч. конф. Киров : Лобань, 2014. С. 190–195.
3. *Кочин Г. А.* «Не отступал ни пред какими препятствиями...». Судьба протоиерея Иосифа Андреевича Стефанова (1799–1881) // Герценка: Вятские записки. Вып. 43. Киров, 2023. С. 42–58.
4. *Луппов П. Н.* Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губернская типография, 1911. 318 с.
5. *Луппов П. Н.* Очерки по истории распространения и утверждения христианства среди вотяков в XIX веке // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 20. С. 1160–1168.
6. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губ. тип., 1911. 568 с.
7. *Макурина В. В.* Приходская и миссионерская деятельность на территории расселения удмуртов в Вятской епархии (Вторая половина XIX – начало XX в.) // Религии народов Вятского края / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров : Ист.-культурное молодежное науч. о-во «Самобытная Вятка», 2009. С. 62–74.
8. *Орлов М. А.* «Наставление вятским миссионерам» – миссионерский проект по утверждению новокрещенных в христианской вере // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 2. С. 59–67.
9. *Орлов М. А.* Православная миссия в Вятско-Камском регионе в XVIII веке : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2021. 205 с.
10. Протоиерей Иосиф Андреевич Стефанов. Некролог // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 76–80.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 383. Оп. 7. Д. 6109об.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 51. Д. 283.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 793.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 657.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 117. Д. 1303.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 117. Д. 1454.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 285.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 1243.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Д. 1216.
20. РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Д. 41173.
21. *Стефан Кренкин, свящ.* Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 11. С. 542–563.
22. *Стефан Кренкин, свящ.* Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 13. С. 649–671.
23. *Стефан Кашменский, прот.* Речь при погребении протоиерея Иосифа Стефанова // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 80–83.
24. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 1. Д. 127.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 591-а.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 1666.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 1699.
28. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 2406.
29. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 165. Д. 81.
30. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 170. Д. 76.
31. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 222. Д. 334.
32. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 86. Д. 460 а.
33. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 86 а. Д. 14.
34. ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 1.
35. ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 75.

The missionary work of Archpriest Joseph Stefanov

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, Petersburg Lyceum. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443.

E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. The article examines the missionary activities of Archpriest Joseph Stefanov. He was a full-time missionary and carried out his activities in the Glazovsky district of the Vyatka province. The position of full-time missionaries was introduced in the Volga-Ural region under Emperor Nicholas I. The missionary activities of the Orthodox clergy among the non-Russian peoples of the Vyatka-Kama region in the first half of the

19th century have not been studied in detail. Despite several publications devoted to the activities of Joseph Stefanov, his biography and mission are poorly reflected in historiography. In the Vyatka province during the missionary activities of Joseph Stefanov, there were two missions – Udmurt and Mari. The purpose of the article is to describe the missionary activities of Archpriest Joseph Stefanov in relation to the non-Russian peoples of the Vyatka diocese: Udmurts, Tatars and Besermians. Based mainly on archival documents, an attempt was made to analyze the missionary activities of Fr. Joseph. New documents from the collections of the Holy Synod and the Vyatka Spiritual Consistory are introduced into scientific circulation. The novelty of the study is the study of the missionary work of Joseph Stefanov among the Tatars of the Glazovsky district. The conducted study emphasizes the importance of this missionary in the history of the Orthodox mission in the territory of the Vyatka diocese. At the same time, contradictions were revealed in his activities: simultaneously with educational forms of missionary activity, Joseph Stefanov used the administrative power of the state. The methods of missionary activity of Father Joseph are described, his contribution to the development of the Orthodox mission within the Vyatka diocese is determined. At the end of the article, the results of the missionary activity of Joseph Stefanov are summarized.

Keywords: Orthodoxy, paganism, Islam, missionary activity, Vyatka province, Glazov district, Udmurts, Besermians, Tatars.

References

1. Vert P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoverie: Ocherk po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii* [Orthodoxy, Heterodoxy, Heterodox Faith: An Essay on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M., New Literary Review, 2012. 278 p.
2. Korshunkov V. A. "Brat'ya vo Hriste lyubeznye": vyatskie svyashchenniki-missionery XIX veka i udmurty ["Dear Brothers in Christ": Vyatka missionary priests of the 19th century and the Udmurts] // *Obretnenie svyatyh – 2013: sbornik materialov V mezhhregional'noj cerkovno-nauchnoj konferencii – The Finding of Saints – 2013: collection of materials of the V Interregional Church Scientific Conference*. Kirov, Loban', 2014. Pp. 190–195.
3. Kochin G. A. ""Ne otstupal ni pred kakimi prepyatstviyami...". Sud'ba protoiereya Iosifa Andreevicha Stefanova (1799–1881)" ["He did not retreat in the face of any obstacles..."] The fate of Archpriest Joseph Andreevich Stefanov (1799–1881)] // *Gercenka: Vyatskie zapiski Hertsenka – Vyatka notes*. Is. 43. Kirov, 2023. Pp. 42–58.
4. Luppov P. N. *Materialy dlya istorii hristianstva u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Materials for the history of Christianity among the Votyaks in the first half of the 19th century]. Vyatka, Provincial Printing House, 1911. 318 p.
5. Luppov P. N. *Ocherki po istorii rasprostraneniya i utverzheniya hristianstva u votyakov v XIX veke* [Essays on the history of the spread and establishment of Christianity among the Votyaks in the 19th century] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette*. 1904. No 20. Pp. 1160–1168.
6. Luppov P. N. *Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Christianity among the Votyaks in the first half of the 19th century]. Vyatka, Provincial Printing House, 1911. 568 p.
7. Makurina V. V. *Prihodskaya i missionerskaya deyatel'nost' na territorii rasseleniya udmurtov v Vyatskoj eparhii (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Parish and missionary activities in the territory of Udmurt settlement in the Vyatka diocese (second half of the 19th – early 20th century)] // *Religii narodov Vyatskogo kraja – Religions of the peoples of the Vyatka Region / resp. ed. A. G. Polyakov*. Kirov, Historical and cultural youth scientific organization "Original Vyatka", 2009. Pp. 62–74.
8. Orlov M. A. "Nastavlenie vyatskim missioneram" – missionerskij proekt po utverzheniyu novokreshchenyh v hristianskoj vere ["Instructions for Vyatka missionaries" – a missionary project to confirm the newly baptized in the Christian faith] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Bulletin of Humanitarian Education*. 2022. No. 2. Pp. 59–67.
9. Orlov M. A. *Pravoslavnyaya missiya v Vyatsko-Kamskom regione v XVIII veke : dis. ... kand. ist. nauk* [Orthodox mission in the Vyatka-Kama region in the 18th century : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Kirov, 2021. 205 p.
10. *Protoierej Iosif Andreevich Stefanov. Nekrolog* [Obituary] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette*. 1881. No 3. Pp. 76–80.
11. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Inv. 51. File. 6109 b.
12. RSHA. F. 796. Inv. 51. File. 283.
13. RSHA. F. 796. Inv. 110. File. 793.
14. RSHA. F. 796. Inv. 116. File. 657.
15. RSHA. F. 796. Inv. 117. File. 1303.
16. RSHA. F. 796. Inv. 117. File. 1454.
17. RSHA. F. 796. Inv. 121. File. 285.
18. RSHA. F. 796. Inv. 121. File. 1243.
19. RSHA. F. 796. Inv. 123. File. 1216.
20. RSHA. F. 797. Inv. 18. File. 41173.
21. *Stefan Krenkin, priest. Votyaki Glazovskogo uezda i kratkij ocherk hristianskoj missii sredi nih* [Votyaks of Glazovsky district and a brief outline of the Christian mission among them] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette*. 1899. No 11. Pp. 542–563.

22. *Stefan Krenkin, priest. Votyaki Glazovskogo uezda i kratkij ocherk hristianskoj missii sredi nih* [Votyaks of Glazovsky district and a brief outline of the Christian mission among them] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1899. No 13. Pp. 649–671.

23. *Stefan Kashmenskij, prot. Rech' pri pogrebenii protoiereya Iosifa Stefanova* [Speech at the funeral of Archpriest Joseph Stefanov] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1881. No 3. Pp. 80–83.

24. CSAKR (Central State Archive of the Kirov Region). F. 237. Inv. 1. File. 127.

25. CSAKR. F. 237. Inv. 70. File. 591-a.

26. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File. 1666.

27. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File. 1699.

28. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File. 2406.

29. CSAKR. F. 237. Inv. 165. File. 81.

30. CSAKR. F. 237. Inv. 170. File. 76.

31. CSAKR. F. 237. Inv. 222. File. 334.

32. CSAKR. F. 582. Inv. 86. File. 460 a.

33. CSAKR. F. 811. Inv. 86 a. File. 14.

34. CSAKR. F. 811. Inv. 1. File. 1.

35. CSAKR. F. 811. Inv. 1. File. 75.

Поступила в редакцию: 17.07.2025

Принята к публикации: 13.11.2025